

Глава 14: Дыхание погони

Путь на поезде был пройден примерно наполовину.

Благодаря уверенному выражению лица со мной никто не заговаривал. Даже младшеклассники ездят на поездах в школу, так что в этом не было ничего необычного.

Но расслабляться нельзя. Пока я не доберусь до могилы, неизвестно, когда и где могут появиться люди из дома.

Скорее всего, когда они поймут, что я исчез, — а с учётом того, что годовщина смерти мамы завтра, — им не составит труда догадаться, куда я направился.

А раз так, то у ребёнка без прав на вождение и вариантов передвижения немного.

Остаётся лишь ждать меня на станциях или автобусных остановках — так им будет легче всего схватить меня.

Масштабных поисков они, скорее всего, не начнут, и потому у меня не было возможности узнать, когда именно заметили мой побег.

Не исключено, что уже заметили. А если так, то, возможно, и сидеть так спокойно не стоило.

Я проверил, какая станция будет следующей, поднялся и перешёл в другой вагон. Раз меня ещё не поймали, значит, пока никто из людей дома в поезд не сел.

Если они начали поиски, как далеко они готовы задействовать силу семьи?

Если проверят камеры наблюдения в доме, то поймут, что я вышел один. Интересно, сколько времени им потребуется, чтобы получить доступ к камерам на улицах, у круглосуточных магазинов и на станциях?

Обычно такие записи может смотреть только полиция, но, пожалуй, используя влияние семьи Игараси, они и этого добьются.

Вот почему ситуация для меня складывалась неблагоприятно.

Если бы они только поняли, куда я направляюсь, и оставили меня в покое...

Но, учитывая, что до сих пор меня ни разу не брали с собой, вывод напрашивался один: меня попросту не хотели подпускать. Скорее всего, таково было решение отца.

Как говорила служанка, возможно, причина в том, что, беря меня — так похожего на мать, — он невольно вспоминает о ней.

Кстати, ещё она упоминала, что после посещения могилы они, кажется, заходят домой. Интересно, братья тоже были с ними?

«...Скорее всего, так и есть.»

Не знаю, с каких пор, но всё это, похоже, уверенно двигалось в моё отсутствие.

Поезд въехал в туннель, и стёкла отразили моё лицо.

Выражение было таким, будто я на всё махнул рукой, — мёртвое, безжизненное. Ни капли детского в нём не осталось, а такое определённо вызовет подозрения.

Я быстро сменил лицо и надел маску невинного, чистого ребёнка — такого, что кому ни покажи, всякий назвал бы милым. Вот теперь идеально.

Ещё немного — и следующая станция.

Скорость падала, и, глядя на проплывавшую мимо платформу, я заметил стоявшего там человека, явно чуждого этому месту.

Он был в костюме и старательно изображал обычного офисного работника, но выражение лица оставалось напряжённым — он словно что-то выискивал.

Я тут же прижался к двери, но, скорее всего, он меня уже заметил.

Неужели рука поисков дотянулась так быстро? Я знал, что так будет, но всё равно — это было чересчур стремительно.

Сколько же труда потратили ради одного меня? Вот только делалось это не из беспокойства обо мне — и оттого становилось смешно.

Раз меня, похоже, заметили, нужно было уходить от погони. Противник, конечно, в преимуществе, но то, что они смотрели на меня как на ребёнка, давало брешь. Если удачно ею воспользоваться, шанс есть.

Но смогу ли я победить — во многом зависело от удачи.

Я двинулся по вагонам прочь от того человека. Поезд вот-вот должен был остановиться, так

что я почти побегал, стараясь ни в кого не врезаться.

При этом взгляд мой не отрывался от платформы. Благодаря этому я понял, что пока здесь только один человек, и если я справлюсь с ним, то выберусь. Судя по всему, он появился здесь не потому, что уже точно знал, будто я еду именно в этом поезде.

Если я провалюсь сейчас, меня вернут домой, и второго шанса навестить могилу мамы уже не будет. Такой отец, как мой, вероятно, даже перенесёт могилу в другое место, чтобы я не мог добраться до неё до конца жизни. И я наверняка даже не узнаю, куда её перенесли.

Пусть там покоится лишь прах, но я хотел увидеть его — хотя бы мельком.

Я крепко сжал лямку сумки.

Через считанные мгновения поезд остановится.

Краем глаза я заметил, как издалека ко мне приближался человек — достаточно естественно, чтобы не вызвать подозрений у окружающих.

Ничего, я справлюсь.

Я несколько раз глубоко вздохнул, успокаиваясь.

И в тот самый миг, когда поезд полностью остановился и двери открылись, я резко оттолкнулся от пола.

Выскочив наружу, я сразу оценил расстояние до приближающегося человека. Оставалось около тридцати метров.

Увидев меня, он явно удостоверился, что цель верна, и ускорил шаг. Но я притворился, что не замечаю его, и вместо этого пошёл прямо навстречу.

Напряжение у того спало. Поняв, что поймать меня будет легко, он уже, видимо, раздумывал, как ко мне обратиться.

Взвесив расстояние, объявления, звучавшие на платформе, и то, сколько времени обычно остаётся до закрытия дверей, я резко развернулся и заскочил обратно в поезд.

Преследователь растерялся, осознал, что я пытаюсь сбежать, и тут же тоже запрыгнул в вагон.

Между нами всё ещё оставалось расстояние в целый вагон.

Меня — ребёнка — наверняка почти не видно за другими пассажирами. Но он определённо шёл сюда.

Дождавшись, пока прозвучит объявление о скором закрытии дверей, я выждал до самого последнего мига и снова выскочил из поезда.

За спиной раздался глухой стук закрывающихся дверей.

Поезд медленно, но верно тронулся.

Провожая взглядом проплывающие мимо окна вагонов, в одном из них я заметил человека с обескураженным лицом — и с облегчением выдохнул, радуясь хотя бы временной победе.

<http://bllate.org/book/18080/1739685>